

нальным, автор относится с особым вниманием как к источникам, оказывающим значительную помощь в решении многих проблем и загадок восточноправославного богослужебного пения.

В частности, особо интересными для исследователей, по мнению автора, могут оказаться: список 1656 г. трактата выдающегося мелурга XV в. Мануила Хрисафа (кодекс под шифром **Греческая 750**, по Каталогу № 49) “*Περὶ τῶν ἐνθεωρουμένων τῆ ψαλτικῆ τέχνης καὶ ὧν φρονήσει κακὰς τινες περὶ αὐτῶν*”, а также раритет конца XVII в. – фрагмент сочинения Никифора Каллиста Ксантопула (XIV в.) “*Ἐρμηνεῖα εἰς τοὺς ἀναβαθμοὺς τῆς ὀκτωήχου*”. Автограф первого трактата уже опубликован, поэтому в описании кодекса Е.В. Герцман приводит лишь разночтения, а текст второй рукописи воспроизводит целиком, так как, по его мнению, этот источник – “один из интереснейших византийских опытов по теоретическому осмыслению литургики” (с. 251).

Первый том Каталога был издан в 1996 г. Однако целый год он не мог дойти до чи-

тателя, поскольку из-за финансовой катастрофы издательства “Глаголь” всему тиражу грозило уничтожение. Целый год автор обращался за помощью к “сильным мира сего” и в России, и в Греции (кстати, и в Греческое посольство в Москве, и в Министерство культуры Греческой Республики в Афинах), но, увы, напрасно. И только директору Российской национальной библиотеки Владимиру Николаевичу Зайцеву, несмотря на нищий бюджет библиотеки, удалось, выкупив тираж, спасти его от ножа. Поистине подвиг! Теперь результат многолетнего труда Е.В. Герцмана и первый отечественный опыт многостороннего описания значительной части греческих музыкальных рукописей Санкт-Петербурга⁸ будет доступен российским и зарубежным исследователям и послужит делу дальнейшего плодотворного изучения многих проблем истории и теории литургики и искусства богослужебного пения и Греческой, и всей Восточной Греко-Кафолической Церкви.

Священник Виталий Головатенко

Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 631 с.

Когда в рецензии на первый выпуск “Архивов...”¹ я написала “надо продолжить работу по созданию портретов русских византинистов старой школы... нужна галерея портретов, которая объединила бы мир интеллигенции этого круга”², с трудом думалось, что эта галерея появится так скоро. Новый, второй, выпуск издания – органичное продолжение ценнейшего издания, создаваемого усилиями и энтузиазмом участников научного проекта “Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге”. Второй выпуск “Архивов...” вышел, как и первый, под редакцией И.П. Медведева, чьим подвигничеством, думается, были собраны воедино результаты работы большого творческого коллектива. Издателями этого непростого для печати труда были, как и в 1995 г., Т.В. Буланина и Д.М. Буланин, деятельность которых по выпуску тома самими участниками проекта определена как “беспредельная самоотверженность” (с. 7).

Первая часть 2-го выпуска “Архивов...” скромно озаглавлена “Обзоры” (с. 8–520). Она состоит из тринадцати очерков, посвященных

петербургским ученым XIX – начала XX в. в области греко-византийской письменности, археологии и культуры – архимандриту Антонину Капустину (автор очерка Л.А. Герд), Э.Г. Муральту (Л.Б. Вольфцун), В.Г. Васильевскому (Л.А. Герд), В.К. Ернштедту (И.В. Кукулина), П.В. Никитину (О.В. Иодко), В.В. Латышеву (И.В. Тункина), А.И. Пападопуло-Керамевсу (И.П. Медведев), И.И. Толстому (А.А. Нейхгардт), М.Н. Крашенинникову (А.Н. Анфертьева), В.Е. Вальденбергу (В.И. Земскова), Я.И. Смирнову (Л.Г. Климанов), Ф.И. Шмиту (Е.Ю. Басаргина), М.А. Шангину (С.Н. Гукова).

Каждый из названных очерков самодостаточен и индивидуален по авторской манере изложения, по новизне и объему вводимого в научный оборот рукописного наследия. Но, будучи объединены в книгу, очерки стали монолитом, монографическим исследованием, одно из достоинств которого – создание коллективного социального портрета петербургской интеллигенции, ее академического гуманитарного круга.

⁸ По утверждению Е.В. Герцмана, в РНБ находится около половины от общего числа рукописных источников из всех хранилищ нашего города.

¹ Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. 462 с.

² ВВ. 1997. Т. 57 (82). С. 273–276.

Очерки расположены в книге в хронологическом порядке: открывают серию старшие из ученых – архимандрит Капустин (род. в 1817 г.) и Э.Г. Муральт (род. в 1808 г.); М.А. Шангин же, очерком о котором завершается раздел “Обзоры”, родился через два года после смерти А. Капустина. Принцип расположения материала позволяет проследить ту идею наследственности, учительства и ученичества, без которой оборвалась бы нить исследовательских штудий в столь непростой, требующей изначально высокого профессионального уровня в области греко-византийского культурного (преимущественно рукописного) наследия. Образцом в ученых занятиях для Антонина Капустина был архимандрит Порфирий Успенский³; В.Г. Васильевский был наставником молодого поколения – В.Э. Регеля, Хр. М. Лопарева, Б.А. Панченко, О.Ю. Кулаковского; учителем М.Н. Крашенинникова, Г.Ф. Церетели, С.А. Жебелёва был В.К. Ернштедт; Я.И. Смирнов был “ближайшим и наиболее блестящим из учеников Н.П. Кондакова” (с. 444)⁴.

Образцом преданности науке в созданном авторами рецензируемой книги “коллективном портрете” выступает та солидарность, которая проявлялась в стремлении вложить свой труд в исследование другого ученого, если это было необходимо для получения научного результата. Так, В.К. Ернштедт и В.В. Латышев проверяли в Афинах надписи для П.В. Никитина (с. 133), Н.П. Попов выверял корректуру работы Никитина по Успенскому списку (попросив лишь о марках для почтовой переписки), В.Н. Бенешевич сверил по просьбе Никитина рукописные тексты на Патмосе (с. 144). Сам же П.В. Никитин завершил две работы В.К. Ернштедта, труды Порфирия Успенского. Научные сборники в честь юбилея коллеги порой издавались на деньги авторов статей. Особенно волнует неформальный высокий стиль некрологов: жанр *oratio funebris* был одним из знаков культуры ушедшей эпохи в жизни старой византистики XIX в. (с. 157–158, 211, 334 и др.).

“Коллективный портрет” академической гуманитарной интеллигенции XIX в. характеризует довольно скромный в целом уровень достатка, необходимость совмещения нескольких служебных мест, интенсивная работа по ночам, отсутствие светской жизни и одновременно – обширные библиотеки, страсть к коллекционированию рукописей и,

если возможно, поездки по центрам античной и восточнохристианской культуры. Многие ученые вели дневники и записные книжки – совершенно утраченные ныне проявления культуры самонаблюдения.

Классическая филология и византистика были в XIX в. элитарной отраслью науки. Знание древних языков, профессиональные навыки работы с греческими рукописями, общая мыслительная культура в значительной степени отличала этот круг ученых, давая им право ощущать свое особое предназначение. Выразительны в этом смысле слова из записной книжки В.К. Ернштедта: “С филологией дело обстоит так же, как с дачными местами: они приятны и иногда даже прелестны, пока не войдут в моду; затем они делаются заплыванными и загаженными... Предпочитаешь укромный уголок, прелестный хотя бы только тем, что туда дачники науки еще не простираются...” (с. 112). Но элитарность петербургской научной интеллигенции не была снобистской и почти всегда сочеталась с жертвенностью.

Если отойти от идеи “коллективного портрета”, то видишь, насколько несхожи судьбы героев рецензируемой книги. Антонин Капустин – настоятель монастыря в Афинах, настоятель русской посольской церкви в Константинополе, начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме, не раз посетивший монастыри и библиотеки Афона, совершивший путешествие на Синай, собиратель греческих рукописей, передавший перед смертью свое собрание рукописей Императорской публичной библиотеке. Э.Г. Муральт, швейцарец по рождению, сотрудник Императорской публичной библиотеки, получивший от императора за составление каталога греческих рукописей бриллиантовый перстень, за “Византийскую хронографию” – Демидовскую премию II степени и второй бриллиантовый перстень. В.Г. Васильевский – основатель петербургской школы византистики. В.К. Ернштедт (швед по отцу) – академик РАН, профессор Санкт-Петербургского университета, крупный специалист по греческой палеографии, так много свершивший на ниве классической филологии, но не доживший однако до 48 лет. П.В. Никитин, ректор Петербургского университета, декан исторического факультета, вице-президент Академии наук, Почетный член Дерптского университета, Петербургской Духовной академии, Историко-филоло-

³ Очерк о Порфирии Успенском см.: Архивы русских византистов... С. 8–21.

⁴ Глава от Н.П. Кондакове см.: Там же. С. 93–119.

гического общества при Новороссийском университете. В.В. Латышев – академик РАН, член-корреспондент Берлинской, Парижской, Римской Академий наук, почетный член многих университетов и институтов, труды которого до сих пор являются настольной книгой по исследуемой им отрасли знаний. И.И. Толстой – граф, министр народного просвещения, выдающийся знаток византийской нумизматики. И наконец, А.И. Пападопуло-Керамевс, выдающийся греческий византист, связавший свою судьбу с Петербургом, давшим ему признание, возможность максимально реализовать себя как ученому, но не принесшего ему душевного комфорта: в своих “Noctes Petropolitanae” он сетовал на “всегда свинцовое, лишенное звезд небо...” (с. 290). Это поколение петербургских ученых имеет славу первопроходцев на трудных тропах грецистики и византистики.

Судьбы тех, кто шел за ними, сложились в большинстве случаев трагично. М.Н. Крашенинников, ученик В.К. Ернштедта, после вынужденного – в связи с немецкой оккупацией – переезда в Воронеж, находясь в ужасных бытовых условиях, не принял идеологического наступления на науку, считая “необязательным материалистическое объяснение продуктов художественного творчества” (с. 399); будучи назван в местной газете “Коммуна” “исступленным противником марксизма”, он был официально уволен из университета, отдан под суд и сослан в 1931 г. в Казахстан (о последних годах и днях его жизни ничего неизвестно). Директор Российского института истории искусств Ф.И. Шмит пытался найти с новой властью контакты, но в одной из бумаг после ухода с этой и ряда других должностей он был определен (по свидетельству самого Шмита) как “дворянин по происхождению, осужденный контрреволюционер по поведению, немарксист по убеждению, необщественник по работе” (с. 490), что предопределило финал его жизни – расстрел в 1937 г. Я.И. Смирнов, любимый ученик Н.П. Кондакова, умер в голодом Петрограде в октябре 1917 г. Была распродана по частям библиотека В.В. Латышева, собиравшаяся им в течение всей жизни (с. 219). Личный архив А.И. Пападопуло-Керамевса был сожжен его вдовой (с. 29) в 20-е годы.

Ученые, через жизнь которых прошел смерч революции 1917 г., пытались сохранить научное направление, в предыдущем поколении представлявшее вершину гуманитарного знания в нашей стране. Писались исследования, с 1918 г. существовала академи-

ческая Комиссия “Константин Багрянородный”, сориентированная на изучение и перевод важнейших источников по истории Византии и Киевской Руси. Но, к сожалению, ситуация в стране была крайне неблагоприятной для византиноведения. Ее очень точно описал С.Ф. Ольденбург: «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России... длинные ряды “первых” томов, “первых” выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуоснове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний» (с. 287–288). Византиноведческие штудии постепенно, под насильственным нажимом, замерли.

В основе очерков лежит тщательное изучение участниками научного проекта разнообразных архивных материалов, как опубликованных, так и неопубликованных трудов петербургских византистов, а также их писем, дневников, записных книжек, документальных материалов, хранящихся в различных архивохранилищах: Санкт-Петербургском филиале архива РАН, Российского государственного исторического архива, Отдела рукописей РНБ, Рукописного архива Института истории материальной культуры РАН, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и др. Наряду с ценнейшими архивными материалами, позволяющими характеризовать различные грани научного творчества ученых, использованы и такие документы, которые позволяют высветить из столетней истории византистики какой-нибудь один миг. Как яркое в этом смысле листок с “диалогом” между А.И. Пападопуло-Керамевсом и Хр. М. Лопаревым во время заседания русского археологического общества 13 апреля 1890 г. – в виде карандашом записанных французских фраз (с. 332–333)! Или страничка из записных книжек В.К. Ернштедта (с. 111) с расписанием дня с 6 часов утра (подготовка к лекциям) до 10 часов вечера (чтение русских авторов)!

Вторая часть книги “Рукописное наследие русских византистов” названа “Публикация” (с. 521–615). Эта часть подготовлена к печати И.П. Медведевым, А.Э. Шукуровой, О.А. Белобровой, М.Ш. Файнштейн. Наряду с материалами из эпистолярного наследия Г.С. Дестуниса (письма к Ф.И. Успенскому), Л.А. Мацулевича, проектов лекций В.Н. Бенешевича, опубликованы бумаги Фонда с так называемым “византийским” проектом Россий-

ской академии и каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса.

Публикация выписок из журнала Российской академии от 1837 г. отражает заинтересованность Академии в переводах сочинений византийских историков (с оплатой по 150 рублей за каждый печатный лист). Сохранились договоры о переводах с греческого языка сочинений Константина Багрянородного “Об обрядах византийского двора”, исторических сочинений Агафия, Льва Диакона, Георгия Пахимера, Михаила Глики, трудов Иоанна Малалы, Никиты Хониата, Никифора Вриенния, Иоанна Киннама, Георгия Синкелла, Феофилакта Симокатты, Иосифа Генесия, Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина. Как мы знаем, многое из этого проекта не получило реализации. Но публикация документов, связанных с проектом 1837 г., позволяет определить круг участников работы и те источники, которые были выбраны для перевода.

Публикацией И.П. Медведевым “Каталога греческих рукописей” Константина Симонидиса вписана “русская страница” во “всемирную Симониаду”. Константин Симонидис – знаменитый подделыватель греческих рукописей, которые он продавал Британскому музею, университетской библиотеке Лейпцига. С его “деятельностью” палеографа–пластографа связаны сенсационные скандалы в европейской науке середины XIX в. В фонде 95 Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранился каталог предлагаемой русскому правительству для покупки коллекции древнейших рукописей (81 единица). Каталог предшествует пролог с описанием Симонидисом его жизни и истории “чудесного” приобретения рукописей. В “Симониаду” включен и негативный отзыв с Афона от марта 1863 г. Публикация этих ма-

териалов в рецензируемой книге предварена знаком вопроса: “Грандиозная палеографическая мистификация?” (с. 537). Если это мистификация, то безусловно талантливая. Чего стоит только описание предлагаемых К. Симонидисом рукописей! К примеру, “Илиада” и “Одиссея”, писанные древними заглавными аттическими буквами на тончайшем и прозрачнейшем пергамене, навитом на золотой прутки и уложенном в ящичек, равный яйцу (с. 555). Пожалуй, история науки была бы неполной без подобных мистификаций, а Константина Симонидиса можно считать в связи со сферой его деятельности образованнейшим из плутов мира.

Итак, перед нами лежит том объемом более 600 страниц. Этот труд соединил научные поиски двух поколений петербургских ученых – прошлого века и наших современников. Усилиями далеких потомков спустя сто или почти сто лет воскрешаются образы и дела тех, кто составлял славу русской науки в сфере византиноведения и грецистики. Деятельность участников научного проекта “Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге” достойна подражания, отражая благодарность к ушедшему поколению ученых и неисполнимый долг перед ними. Подвижничество петербургских академистов XIX в., столь очевидно обнаруженное через материалы их рукописного наследия, имеет в наши трудные времена эффект живого воздействия, когда, прочитав книгу, жалеешь, как некогда А.И. Пападопуло-Керамевс, что в сутках не 8 часов...

Подвиг создания второго выпуска материалов из архивов византинистов Петербурга оставляет надежду на встречу с третьим томом.

М.А. Поляковская